

УДК 130.2:322

DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-2-0-4

Гончаренко И. В.¹,
Коровина О. В.²,
Месяц К. В.³,
Сергеева И. Н.⁴,
Апатенко Д. В.⁵

Цензура в интеллектуальной культуре России
(ситуация XIX – начала XX веков)

¹ Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; *eigor1@yandex.ru*

² Пушкинская библиотека-музей Централизованной библиотечной системы г. Белгорода, пр-т Ватутина, д. 4, г. Белгород, 308013; *olga-helga.1987@yandex.ru*

³ Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; *1252767@bsu.edu.ru*

⁴ Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова, ул. Костюкова, д. 46, Белгород, 308012, Россия; *nany985@mail.ru*

⁵ Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; Майская гимназия Белгородского района Белгородской области, п. Майский, ул. Кирова, д. 16а, 308503; *diana.apatenko@mail.ru*

Аннотация. В статье представлены результаты герменевтического анализа законодательных документов российской цензуры (уставов российской цензуры 1804–1828 гг.), эго-документов (дневниковых и эпистолярных), актуальных монографических текстов и др. В ходе анализа были уточнены целевые установки цензурной деятельности в связи с различными культурно-историческими ситуациями цензуры в России XIX – начала XX вв.; особое внимание при этом было уделено взаимодействию духовной и светской цензур – на примере деятельности видных представителей русской литературно-философской и богословской мысли А.В. Никитенко, В.Ф. Одоевского, О.М. Новицкого, А.Ф. Кони, свт. Феофана Затворника. Обосновывая продуктивность целостного, «событийного» изучения цензурных практик, авторы статьи обращают внимание на стремление цензоров быть ответственными и понимающими читателями цензурируемых текстов.

Ключевые слова: интеллектуальная культура России; герменевтический анализ; цензура светская; цензура духовная; цензор, цензурный устав; А.В. Никитенко; В.Ф. Одоевский; О.М. Новицкий; А.Ф. Кони; свт. Феофан Затворник

Для цитирования: Гончаренко И. В., Коровина О. В., Месяц К. В., Сергеева И. Н., Апатенко Д. В. Цензура в интеллектуальной культуре России (ситуация XIX – начала XX веков) // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2022. Т. 8. № 2. С. 43-64. DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-2-0-4

I. V. Goncharenko¹,
O. V. Korovina²,
K. V. Mesyats³,
I. N. Sergeeva⁴,
D. V. Apatenko⁵

**Censorship in the intellectual culture of Russia
(situation of the 19th – early 20th centuries)**

¹Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod 308015, Russia;
eigor1@yandex.ru

²Pushkin Library-Museum, Belgorod Centralized Library System, 4 Vatutin Ave., Belgorod
308013, Russia; *olga-helga.1987@yandex.ru*

³Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod 308015, Russia;
1252767@bsu.edu.ru

⁴Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod 308015, Russia;
Shukhov Belgorod State Technological University, 46 Kostyukov St., Belgorod 308012, Russia;
nany985@mail.ru

⁵Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod 308015, Russia;
Mayskaya Grammar School, 16a Kirov St., Maysky Township, Belgorod district,
Belgorod region, 308503, Russia; *diana.apatenko@mail.ru*

Annotation. The article presents the results of hermeneutic analysis of legislative documents of Russian censorship (statutes of Russian censorship in 1804-1828), ego-documents (diary and epistolary), relevant monographic texts, etc. In the course of the analysis we also specified the objectives of censorship activities in connection with different cultural and historical situations of censorship in Russia in the 19th – early 20th centuries, with special attention paid to the interaction of spiritual and secular censorship, using as an example the activities of leading representatives of Russian literary-philosophical and theological thought Alexander Nikitenko, V. Odoevsky, O. Novitsky, A. Kony, St. Theophan the Recluse. Justifying the productivity of a holistic, "event-based" study of censorship practices, the authors draw attention to the censors' desire to be responsible and understanding readers of censored texts.

Keywords: intellectual culture of Russia; hermeneutic analysis; secular censorship; spiritual censorship; censor, censorship charter; Aleksandr V. Nikitenko, Vladimir F. Odoevsky, Orest M. Novitsky, Anatoly F. Koni; St. Theophan the Recluse

For citation: I. V. Goncharenko, O. V. Korovina, K. V. Mesyats, I. N. Sergeeva and D. V. Apatenko (2022), "Censorship in the intellectual culture of Russia (situations of the 19th – early 20th centuries)", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 8 (2), 43-64, DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-2-0-4

Цензура является одним из крупных явлений истории интеллектуальной культуры России XIX – начала XX вв. Исследования ее далеки от завершения¹: требуется

уточнение смысловых установок и структур цензурных практик, прояснение единства исторических основоположений и реальных культурно-исторических ситуаций

¹ См. об этом исследования: (Вацуру, Гиллельсон, 1986; Жирков, 2001; Патрушева, 2014).

цензурной деятельности, в которых эти основоположения интерпретируются, принимая вид прецедентных решений.

Целостное, «событийное» изучение цензуры предполагает обращение как к официальным документам, которые позволяют «как-бы из разрозненных костей» воссоздать «основной облик-скелет духовно-цензурного режима» (Котович, 1909: 485), так и к имплицитным источникам (дневникам, воспоминаниям, перепискам и т. п.), принадлежащим перу цензоров и деятелей науки, литературы, философии, богословия, напрямую с цензурой не всегда связанных, но при этом на себе или на своем творчестве испытавших ее смысловое влияние.

Среди крупнейших цензоров и сторонних участников цензурных процессов XIX века мы полагаем возможным обратить внимание на таких выдающихся русских мыслителей, как В.Ф. Одоевский, А.В. Никитенко, О.М. Новицкий, А.Ф. Кони, свт. Феофан Затворник (Г.В. Говоров) и др.

Формирование цензуры с самого начала представляется как череда правовых решений, направленных на урегулирование церковно-государственных начал в жизни российского общества. Заметными являются запретительные меры, которые содержатся уже в документах-парадигмах древнерусского права. К этим мерам относятся прежде всего вероучительные прещения в отношении слова (списки «отречённых» книг) и образа (запрет на печать религиозных гравюр) (Иникова, 2014: 136-158). По поручению Петра I Феофан Прокопович подготовил «Регламент или Устав Духовной Коллегии», где устанавливалась общая мера ответственности Государя как высшего лица в российской иерархии церковной и светской власти и коллегиального соборования ответственных лиц (Сперанский, 1830: 314-346). Примечательно, что вероучительный критерий упрочивался в отношении духовной цензуры: «Если кто пишет о чем-либо богословское сочинение, то

оное не следует печатать немедленно, а сначала предъявить коллегии. Коллегия же должна испытать, нет ли в сочинении ошибок, противных православному вероучению» (Сперанский, 1830: 314-346). В задачи Духовной Коллегии также входило выявление в текстах житий святых высказываний «учению православному противных», к ним относили «ложные вымыслы» и искажения «Историй Святых»; также выявлялись факты «идолослужений» в провинциальных приходах и пр. (Сперанский, 1830: 314-346).

В 1796 году Указом Екатерины II учреждался особый институт цензуры: юридически отчетливо устанавливалась смешанная цензура, в которой выделялись два вида – духовная и светская; получали особый государственный статус цензоры, и упорядочивался, субординировался порядок коллегиальных решений. «Во всех назначенных в Высочайшем Именном Указе местах, как то: в Санкт-Петербурге, в Москве, в Риге, в Одессе и при Таможне Радзивилловской» цензуру предписывалось «составить в каждом месте из трех особ, из одной духовной, из одной гражданской и одной ученой; духовных особ избрать Синоду, гражданских – Сенату, а ученых – Академии наук и Московскому университету...» (Указ именной..., 1830: 933). Организованные цензурные комитеты были созданы в Москве, Петербурге, Риге, Одессе, а также в местах поступлений книг из-за границы. В каждом комитете должен был быть как минимум один священник, цензор и светский человек для цензуры книг. Во время царствования Екатерины Указом Сената от 31 мая 1780 года (Воробьев, 2018: 114) Синоду, Московскому и Петербургскому митрополитам была вменена духовная цензура – право цензуровать все сочинения, содержащие рассуждения религиозного характера; в 1783 году Императорским Указом «О вольных типографиях» цензура духовных сочинений, издаваемых частными типографиями, вменялась Управлам благочиния (Воробьев, 2018: 114).

Развивая политику Екатерины II в области цензуры, Павел I закончил формирование ее институций. Император создает Цензурный совет (Указ «О предоставлении книг...», 1830: 647), а Указом от 14 марта 1799 г. «Об учреждении Духовной цензуры в Москве при Ставропигиальном Донском монастыре» (Сперанский, 1830: 583-585) завершает на государственном уровне организацию духовной цензуры. Согласно этому Указу, «по неупустительном освидетельствовании, рассмотрении и должном исправлении Комиссией взносимых и присылаемых в оную переводов и сочинений, и по одобрении ею, что в них ничего противного закону Божию, правилам Государственным, благонравию и самой литературе не находится, уважая преимущественно достойные из них, издавать все таковые Комиссией апробированные в печать с дозволения Синода, единственно в типографиях, ведомству его принадлежащих...» (Сперанский, 1830: 584). Закон концентрировал порядок духовной цензуры, до этого разрозненной, существовавшей прежде только в епархиях, духовных учебных заведениях и смешанных комитетах, в одном московском центре.

В 1804 году Указом Александра I был принят «Устав о Цензуре», в котором устанавливались основные принципы цензуры в связи с ее социальным назначением. Указывалось, что первой обязанностью цензуры является рассмотрение «всякого рода книг и сочинений, назначаемых к общественному употреблению» (Устав о цензуре. 1804), при этом «главным предметом» этого рассмотрения являлось обеспечение общества книгами и сочинениями, которые способствовали бы «истинному просвещению ума и образованию нравов» (Устав о цензуре. 1804); этому сопутствовало требование «удалить книги и сочинения, противные сему намерению» (Устав о цензуре.

1804). Светские Цензурные комитеты учреждались как коллегиальные органы при университетах, в их состав входили университетские профессора и магистры (Гринченко, 2013). Цензурное попечение книг и сочинений, издаваемых главным правлением училищ, Кадетских корпусов, ученых обществ и казенных мест, Академией наук, Академией художеств и Российской академией, государственно-медицинской управой, возлагались на сами эти организации. В части духовной цензуры предполагалось, что «книги и сочинения церковные, к Священному Писанию, вере, либо толкованию Закона Божия и святости относящиеся, подлежат рассмотрению цензуры духовной, находящейся под ведением Святейшего Синода и епархиальных архиереев» (Устав о цензуре. 1804). Цензурные комитеты действовали в Александро-Невской лавре (Санкт-Петербург), Донском монастыре (Москва) и Киево-Печерской лавре.

В 1820–1823 гг. предпринимались попытки создания второго цензурного Устава, который не был утвержден; через год после восстания декабристов Николай I утверждает новый устав, названный его современниками «чугунным» (Вацуро, Гиллельсон, 1986: 352). Наконец, в 1828 году был принят Устав, который (с некоторыми изменениями и поправками) стал основным документом Российской империи², на десятилетия, вплоть до революционных событий 1917 г., стабилизовавшим цензурную деятельность в России.

В целом, исследуя основания деятельности российской цензуры, на наш взгляд, важно обратить внимание на ее особенные смысловые установки – стремление цензоров быть прежде всего вероучительно и нравственно ответственными читателями цензурируемых текстов, впрочем, соблюдающими государственные интересы издательской деятельности в Российской империи.

² См. об этом все цензурные документы XIX в.: Собрание цензурного законодательства до 1917 г. [Электронный ресурс]. URL:

<http://opntextnn.ru/old/censorship/russia/dorev/law/>
(дата обращения: 08.04.2022).

«Быть по сему»: государственные установки 1828 г.

В 1828 году инициатором цензурных преобразований на правительственном уровне стал министр внутренних дел В.С. Ланской. Именно он обратил внимание императора Николая I на несовершенства действующего Устава 1804 г. По указу императора этот устав был полностью рассмотрен комиссией, в состав которой вошли сам Ланской, главный начальник III отделения Собственной Его Императорского Величия канцелярии А.Х. Бенкендорф, князь И.В. Васильчиков, действительный тайный советник граф С.С. Уваров, действительный статский советник Д.В. Дашков (Жирков, 2001: 59). Характерно замечание, сделанное В.Ф. Одоевским, одним из авторов цензурного документа по итогам работы над новым уставом: комитет «не счел возможным ввести в проект устава все те убеждения, к коим он пришел путем зрелого рассмотрения государственного вопроса о цензуре: многое он предоставил будущему развитию начал, им установленных...» (Котович, 1909: 139). Тем самым ответственность за «убеждения», нравственные или вероучительные установки цензурируемых материалов делегировалась цензорам; от их опыта и компетентности немало зависело исполнение государственного дела цензуры.

Каждый цензор, согласно п. 1 Устава 1828 г., «имел обязанностью рассматривать произведения словесности, наук и искусств, назначаемые к изданию в свете внутри государства посредством книгопечатания, гравирования или литографии; а равно и привозимые из-за границы и позволять издание или продажу тех только из оных, кои в целом составе и в частях своих не противных изложенным в следующем § 3 общим

правилам» (Устав о цензуре, 1828). Документом регламентировалось издание книг при условии согласования министром народного просвещения и дозволения Комитета министров; различались цензура внутренняя и цензура иностранных книг. Устав содержал и указание на то, какие книги следует отдать на рассмотрение ведомств Святейшего Синода.

Как отмечает А.Н. Котович, основной целью цензурных установлений 1828 года было «уничтожение возможности трения между учреждениями, преследующими общие цели с несходными, однако, критериями» (Котович, 1909: 485). Однако возможность «трений» не только не была исключена, но стала регулярной, особенно в связи с необходимостью получать одобрение духовной цензуры на выход в печать светских книг, в которых находились фрагменты, имеющие отношение к вере, церковной жизни и к ее обрядам.

А.Н. Котович подчеркивает «любезный тон» и «характер извинения» в обращениях светских цензоров в духовную цензуру. В качестве примера он приводит цитату из письма А.В. Никитенко, который направляет в Петербургский духовно-цензурный комитет «две главы переводного сочинения: “Истина, как предмет человеческого представления”» (Котович, 1909: 485) – речь, судя по всему, шла о труде немецкого профессора психологии И. Х. А. Гейнрота «О истине». А.В. Никитенко отмечал, что «главы эти... хотя и заключают в себе мысли, исполненные христианской назидательности, но в то же время в них содержится частью догматическое, а частью историческое изложение главнейших истин откровения, потому что по 2 прим. § 23 уст³, препровождаются в духовно-цензурный комитет» (Котович, 1909: 485).

³ «§ 23. Рассмотрению внутренней цензуры подлежат все издающиеся, как частными лицами, так и от казенных мест книги, сочинения и проч. <...>. Примечание 2-е. Если в сочинении нравственным встретятся места совершенно духовного содержания, относящиеся или к догматам веры или к Священной

истории; то гражданская цензура передает оные, отдельно от прочего, на уважение духовной цензуры и поступает сообразно ее заключению» (Устав о цензуре, 1828).

В 1839 году от министра народного просвещения графа С.С. Уварова было получено официальное предписание, согласно которому все сочинения «духовного содержания, в какой бы то мере ни было» (Никитенко, 1955: 136) должны получить одобрение духовной цензуры. Поводом к этому предписанию послужило стихотворение М.Ю. Лермонтова «Демон». В марте 1839 года оно было отправлено Н.М. Карамзиным А.В. Никитенко, и тот осуществил, как пишет В.Э. Вацуро, все необходимые цензурные поправки и купюры (Вацуро, 1979: 410-414). Реакцией на предписание Уварова была следующая запись А.В. Никитенко в своем дневнике: «...Что это значит? Закон, изданный самодержавною властью, отменяется обер-прокурором синода? Но такие вещи не в первый раз случаются в нашей администрации. В настоящем случае цензура в большом затруднении. Редкая журнальная статья не должна будет отсылаться в духовную цензуру. Я просил князя Волконского сделать об этом представление министру. Он сделал уже. Мы спрашиваем: "Чему должно следовать: новому распоряжению или высочайше утвержденному тексту устава цензуры"?» (Никитенко, 1955: 136).

Цензурные уставы 1828 года: чему должно следовать? (А.В. Никитенко и Ф.Ф. Сидонский)

Взаимодействие институций светской и духовной цензуры не было ограничено эпизодами, когда светские цензоры запрашивали резолюцию духовных лиц. Зачастую инициатива такого взаимодействия шла от самой духовной цензуры, и в этом случае, как правило, не обходилось без герменевтических лакун.

В этом отношении интересен один из эпизодов вмешательства духовного лица в светское цензурное дело, ставший уже классическим. Митрополит Московский и Коломенский Филарет (Дроздов) обратился к главному начальнику III отделения Собственной его Императорского Величия канцелярией А.Х. Бенкендорфу с жалобой на

одну из строк, описывающих Москву в романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин»:

«Мелькают мимо будки, бабы,
Мальчишки, лавки, фонари,
Дворцы, сады, монастыри,
Бухарцы, сани, огороды,
Купцы, лачужки, мужики,
Бульвары, башни, казаки,
Аптеки, магазины моды,
Балконы, львы на воротах
И стаи галок на крестах» (Пушкин, 1950: 157).

«Стая галок на крестах», по мнению митрополита, стала оскорблением святыни. Этот эпизод А.В. Никитенко записал в своем дневнике со слов священника и преподавателя Санкт-Петербургской духовной семинарии Ф.Ф. Сидонского. «Цензор, которого призывали к ответу по этому поводу, сказал, что "галки, сколько ему известно, действительно садятся на крестах московских церквей, но что, по его мнению, виноват здесь более всего московский полицеймейстер, допускающий это, а не поэт и цензор". Бенкендорф отвечал учтиво Филарету, что это дело не стоит того, чтобы в него вмешивалась такая почтенная духовная особа: "еже писах, писах"» (Никитенко, 1955: 140).

Показателен также в отношении взаимодействия светской и духовной цензуры один из эпизодов преподавательской и научной деятельности самого Ф.Ф. Сидонского – автора «Введения в науку философию» (Сидонский, 1833: 398), учебной книги по философии на русском языке для учащихся духовных учебных заведений (Векслер, 2007: 4). Книга вышла в свет в 1833 году, и появлению этого труда вполне соответствовало положение дел: философская мысль в России первой половины XIX в. получила интенсивное и систематическое развитие именно в духовных учебных заведениях. Цензурировал труд Ф.Ф. Сидонского А.В. Никитенко, который год спустя после публикации отметил в своем дневнике: «Священник Сидонский написал дельную философскую книгу "Введение в философию". Монахи за это

отняли у него кафедру философии, которую он занимал в Александро-Невской академии» (Никитенко, 1955: 136). Впрочем, в этом же году за книгу «Введение в философию» Сидонский был награжден полной Демидовской премией Императорской академии наук. Преподавание Сидонского в академии закончилось, но научная деятельность и радение о издании отечественных учебных книг по философии продолжались. Сидонский обращался к Никитенко с просьбами о цензуровании «Опыта системы нравственной философии» (1835 г.) своего сокурсника А.В. Дроздова (Дроздов, 1835: 94) и «Очерка философии по Рейнгольду» (1837 г.) Ф.М. Надежина (Надежин, 1837: 239), о чем свидетельствуют его письма (Полякова, 2009: 48).

Во многом благодаря содействию А.В. Никитенко Ф.Ф. Сидонский вошел в состав философской коллегии Санкт-Петербургского университета. Никитенко составил «Представление совету историко-филологического факультета о присуждении Ф.Ф. Сидонскому звания почетного доктора философии», где, перечисляя заслуги Ф.Ф. Сидонского и его «Введения в философию», Александр Васильевич характеризовал его как мыслителя: «зорко и критически следящий за всеми учениями, но не поддающийся сам никакому увлечению какой-либо школы и авторитета» (Малинов, 2006: 127). Такому мыслителю следовало, по мысли А.В. Никитенко, восходить на кафедру в отсутствие в российских университетах «философии как науки» – приостановки ее систематического преподавания, что становится причиной того, что отрывочные знания и идеи, вырванные из контекста общей истории философии, воспринимаются молодыми людьми как открытия и откровения, как нечто новое, на самом деле таковым не являющееся, что приводит к отсутствию «прямых и просто поставленных начал» и к материалистическим и нигилистическим результатам (Малинов, 2006: 126). Этому некритическому усвоению философского знания успешно мог противостоять Ф.Ф. Сидонский. Речь

Никитенко вызвала одобрение университетских слушателей, и подавляющим большинством голосов Сидонский был признан почетным доктором философии Санкт-Петербургского университета, где он преподавал с 1865 по 1873 гг. (Полякова, 2009: 48).

Имя Ф.Ф. Сидонского затем несколько раз появится на страницах дневника А.В. Никитенко в контексте их общей университетской деятельности, вплоть до записи декабря 1873 г., где сообщается о смерти Фёдора Фёдоровича (Никитенко, 1955: 303).

«Герменевтическое зеркало» В.Ф. Одоевского

Владимир Федорович Одоевский служил секретарем цензурного комитета при Министерстве внутренних дел, принимал участие в разработке цензурного устава 1828 года, а также служил библиотекарем Комитета цензуры иностранной (Паршукова, 2004: 24). В нескольких небольших заметках, написанных в конце 1850-х – начале 1860-х гг. и не опубликованных при его жизни, Одоевским были сформулированы основания цензуры и задачи цензурной практики.

Особая трудность цензуры, как отмечал В.Ф. Одоевский, заключается в том, что «всякий чисто-полицейский закон имеет дело с определенными, осязательными проступками человека, таковы: воровство, контрабанда, нарушение полицейско-медицинских правил и проч. тому подобное. Цензура напротив должна бороться с неопределительностью человеческого языка и с возможностью одному и тому же выражению, даже слову, давать все возможные смыслы» (Одоевский, 1874: 15-16). Предметами цензуры, согласно Одоевскому, выступают «формы языка, фантазия сочинителей и мнение публики» (Одоевский, 1874: 16). Последнее, как некоторая конечная инстанция преломления смысла произведения, часто является решающим: «Все зависит не от того, что автор написал и что цензор пропустил, но от того, как публика поняла написанное» (Одоевский, 1874: 17).

Принимая во внимание «общее настроение литературы в данную эпоху и общественное мнение» (Одоевский, 1874: 17), цензор как будто призван угадать возможное влияние произведения на читателя, что, однако, никогда не удается в полной мере. Характерный пример: «известный польский поэт Мицкевич, живучи в Москве в приятельском кругу русских литераторов, написал поэму “Валенрод”, поэму самую невинную в цензурном отношении. Действие происходит в Гренаде; есть сцена, где мавры выходят из города и под видом приятни обнимают испанцев, чтобы сообщить им заразу чумы. Во время революции поляки нашли в этой сцене указание их народного поэта на то, как они должны поступать с русскими, т. е. прижимать их к груди, для того чтобы погубить. Спрашивается, какое цензурное чутье могло бы угадать такого рода вредное влияние на публику?» (Одоевский, 1874: 20-21). Подобные явления фиксируются Одоевским через метафору «оптического обмана», неоднократно встречаемую в его различных произведениях и указывающую на утверждаемое им несоответствие выражения и мысли. Так, в «Русских ночах» Одоевский отмечает: «Вас обманывают слова: слова похожи на морскую зрительную трубу, которая колеблется в руках у стоящего на палубе; в этой трубе есть для глаза некоторое ограниченное поле, но на этом поле предметы меняются беспрестанно, смотря по положению глаза; он видит много предметов, но ни одного явно; к сожалению, слова наши еще хуже этого оптического инструмента – не на что и опереть их! мысли скользят под фокусом слова!» (Одоевский, 1975: 138).

Будучи обеспокоенным чрезвычайной смысловой подвижностью как целых выражений, так и отдельных слов, Одоевский стремится уточнить точку постоянства в самом событии высказывания, он пишет: «Одно условие понимать друг друга: говорить искренно и от полноты душевной» (Одоевский, 1975: 135). Через понятия душевной полноты как интегральной ха-

рактеристики человеческого бытия и искренности как меры усмотрения этой полноты Одоевским особым образом актуализируется этический горизонт события цензуры, осуществляется поворот от предметного плана цензурируемого текста к побуждениям и намерениям его автора. Это вполне созвучно шестому параграфу цензурного устава 1828 года: обращать внимание прежде всего на дух, цель и намерение автора, основанием цензорского суждения о которых непременно является «явный смысл речи» (Указ «О предоставлении...», 1830: 647). «Явным» для Одоевского оказывается первично нравственный, волевой момент текста как некоторого диалогического высказывания, противопоставляемый его предметному содержанию через концепты «внутренней» и «внешней» речи (Одоевский, 1975: 138).

Показательным является эпизод из цензурской практики Одоевского, связанный с романом «Мадам де Парабер – хроники Пале-Рояля». Н.А. Паршукова указывает на то, что «Одоевский в рапорте пересказал роман, где излагались любовные интриги Франции середины XVIII века. Скабрезная история об оболъщении девушки, описание оргий регента Филиппа Орлеанского, описания “механических кресел, употребляемых сластолюбцами того времени для насильствования невинных девушек” и прочее не оставляли сомнения для комитета, хотя Одоевский и пытался оправдать писателя: “Автор везде говорит о разврате того времени с негодованием, как Сатирик, и что он, очевидно, описывает кощунство и безнравственность того времени лишь для того, чтобы произвести в читателе отвращение, в чем он и успевае”» (Паршукова, 2004: 49). Следуя 76 параграфу цензурного устава 1828 года, посвященному иностранной литературе, Одоевский «более еже нежели» уделяет особое значение целям, намерениям и общему духу автора, определяющим семантические рамки изображаемых сцен (Устав о цензуре, 1828).

В.Ф. Одоевский отмечает, что «речь внутренняя всегда понятна для людей,

находящихся в некоторой степени симпатии» (Одоевский, 1975: 135), в ее буквальном понимании как совместного чувствования. Задачей цензора, таким образом, является сочувствующая, понимающая встреча с автором во внутреннем измерении его речи, требующая искренности со стороны цензора, движения нравственной самоотчетности, предельный горизонт которой задается в ключевом, третьем параграфе устава о цензуре 1828 года (Указ «О представлении...», 1830: 647). По убеждению Одоевского, «цензор, который, читая книгу, спросит самого себя по совести: противно ли прочтенное им сочинение одному из сих четырех пунктов: вере, престолу, нравственности или личной чести и по совести же даст себе отрицательный ответ, такой цензор, как равно и сочинитель, правы перед Богом, Царем и Отечеством, что бы потом не говорили в публике о пропущенном сочинении» (Одоевский, 1874: 19-20).

Магистерская диссертация О.М. Новицкого

Выдающимся российским философом и богословом, цензором середины XIX столетия являлся О.М. Новицкий. Его в одном ряду с профессорами философии и священнослужителями Ф.Ф. Сидонским, И.М. Скворцовым, Ф.А. Голубинским, В.Н. Карповым один из современников назвал «корифеем самостоятельной русской философской мысли» (Рождественский, 1876: 290). В 1837 г. Орест Маркович был назначен цензором во вновь организованный Киевский цензурный комитет от университета Св. Владимира и входил в состав этого комитета на протяжении более чем тридцати лет, вплоть до занятия должности председателя комитета.

Лекции О.М. Новицкого вызывали особый интерес у студентов университета: «Лекции, наиболее приближались к идеалу университетского преподавания и вызывали у нас живой интерес», и «лекции Ореста Марковича по психологии, логике и древней философии принесли несомненную пользу нашему умственному развитию»

(Палий, 1994: 241). Студент О.М. Новицкого В. Шульгин писал, что тот «читал от трех до шести часов в неделю. <...> Логику сначала по системе Круга, потом придерживаясь Боцмана и Тросклера <...>. Моральную философию <...> профессор преподавал, руководствуясь собственным планом...» (Шульгин, 1860: 114-115).

Первым вышедшим из печати трудом О.М. Новицкого стала его магистерская диссертация «О духоборцах, сочинение студента Киевской духовной академии Ореста Новицкого» (Новицкий, 1882: 212). Причиной создания данной работы, предположительно, послужило желание настоятеля Александро-Невской лавры митрополита Евгения (Болховитинова) осветить деятельность секты духоборцев. Свои работы «Исповедания духоборцев» и «Рассмотрение исповедания духоборческой секты» митрополит Евгений (Болховитинов) передал ректору Киевской духовной академии, а тот, в свою очередь, для дальнейшего исследования этой темы – студенту Оресту Марковичу Новицкому. Работа Новицкого была одобрена Синодом и в 1832 году опубликована отдельным изданием, малым тиражом, после чего была вся раскуплена представителями духоборческого движения или, по некоторым другим сведениям, была изъята цензурой из обращения (Иникова, 2014: 136-137). Через пятьдесят лет после запрета книги О.М. Новицкий издал работу в новом виде, признав, что митрополит Евгений, реконструировавший основы духоборческого вероисповедания, «узнав от духоборцев основные пункты их верования, старался и передать их на письме, но развил и разработал их по-своему», видоизменяя и смягчая то, что не совпадало с ортодоксальным христианством или было неудобно для предоставления высшему начальству. Новицкий пришел к заключению, что «источником этим можно пользоваться лишь с крайнею осмотрительностью» (Иникова, 2014: 137), хотя «основные черты изложенного в нем духоборческого верования “довольно верно” отра-

жают учение упомянутого в “Исповедании...” основателя секты Силуана Колесникова» (Новицкий, 1882: 212).

Между тем, уже первое издание труда «О духоборцах» вызывало особый интерес у современников, в том числе у Н.С. Лескова. Диссертацию Новицкого Лесков использовал в качестве одного из источников своей статьи «Учение штундистов (черты епархиальной жизни)» (Лесков, 1875), о чем он сообщает в письме И.С. Аксакову (Лесков, 1957). Позже Н.С. Лесков рекомендует сочинение Новицкого А.Ф. Кони. В 1892 г. в письме Л.Н. Толстому Лесков пишет: «Анатолий Федорович Кони вчера прислал мне письмо, в котором просит совета, что ему прочитать, дабы приготовить себя к рассмотрению “во множестве поступающих дел о штундистах”. Я продумал всю ночь и не мог остановиться ни на одном произведении, которое бы дало обер-прокурору основания судить о штундистах с сохранением к ним жалости и уважения, и из всего, что я знаю, мне наилучшим показалось старое магистерское исследование Ореста Новицкого “О духоборцах”. Там именно есть основания, которые одинаковы у духоборцев, иконоборцев, молокан и штундистов. А разницы, между ними существующие, не делают различия в основах их веры, и потому все сектанты этого духа могут быть защищаемы на одной и той же почве. Книжка же Новицкого хороша тем, что она кратка, ясна и кодифицирована, а церковная злоба в ней уместена в местах очевидных и благопотребных. И потому я указал Кони на эту книжку по преимуществу» (Лесков, 1978: 262). По всей видимости, А.Ф. Кони воспользовался трудом О.М. Новицкого в своей работе (см.: Сажин, 2008).

А.Ф. Кони: цензура и судебная этика

А.Ф. Кони, государственный деятель, юрист философского склада, который был

достаточно тесно связан с печатным делом⁴, оставил довольно яркие суждения о цензуре; среди них – статья «М.Н. Загоскин и цензура» (Кони, 1906). Данная статья была опубликована в 1906 году и представляет собой отрывки из письма М.Н. Загоскина Фёдору Алексеевичу Кони, который в 1848–1856 гг. возглавлял журнал «Пантеон». А.Ф. Кони обращает здесь внимание на то, до каких крайностей иногда доходили цензурные требования; описывает отказ М.Н. Загоскина от предложения Ф.А. Кони участвовать в издании журнала. Цензура, применяемая ранее к его работам, вынудила М.Н. Загоскина «поклониться ничему не печатать в Петербурге» (Кони, 1906: 868).

Впрочем, и сам А.Ф. Кони был подвергнут преследованию цензуры. Впервые внимание цензоров привлекла студенческая работа А.Ф. Кони на соискание степени кандидата права, посвященная праву необходимой обороны, где А.Ф. Кони обосновывал право народа на революцию, если правительство незаконными действиями притесняет народ и игнорирует закон (Кони, 1866). Подозрения цензуры усилились после вынесения оправдательного приговора по делу Веры Засулич судом, в котором председательствовал А.Ф. Кони. Опала и недоброжелательное внимание консервативной печати не переставали преследовать А.Ф. Кони. «Его нелюбимое, свободное от всякой предвзятости отношение к подсудимым и другим участникам судебного процесса не раз вызывало злобные нападки “Московских ведомостей”» (Волк, Муратов, Выдри, 1969: 14). В письме к редактору журнала «Трудовая помощь» А.Ф. Кони отмечал, что «отсутствие гласности – широкой и систематической быстро охлаждает добрые порывы в обществе» (Кони, 2018(а): 106) и приводил в пример распад «Общества посещения бедных в Петербурге», основанного князем

⁴ Отец А.Ф. Кони, Фёдор Алексеевич Кони был редактором журнала «Пантеон». А.Ф. Кони и сам был литератором, получал приглашение стать сотрудни-

ком журнала «Трудовая помощь», хотя был вынужден отказаться; принимал участие в совещании о составлении устава о печати в 1905 г.

В.Ф. Одоевским, после утраты этим сообществом возможности самостоятельно печатать для всеобщего сведения свои отчеты, «не обесцвеченные мертвящей канцелярской регламентацией» (Кони, 2018(а): 106).

А.Ф. Кони принимал непосредственное участие в совещании о составлении устава о печати (временных правил 1905 года). Основные мысли А.Ф. Кони по этому вопросу отражены в материалах «Совещания о составлении устава о печати» (Кони, 1969), опубликованных в 1912 году. А.Ф. Кони высказывается здесь по вопросам цензуры со свойственным ему стремлением охватить мыслимый предмет во всей его полноте⁵. Прежде всего он обращает внимание на требования, предъявляемые к издателям и редакторам-издателям, – выражает недоверие к так называемому концессионному порядку возникновения новых периодических изданий. Суть этого порядка заключалась в том, что издатель и редактор-издатель утверждались министром внутренних дел по сведениям, доставленным и собранным главным управлением по делам печати. К издателям должен был применяться ряд требований, среди которых был, например, образовательный ценз, однако А.Ф. Кони с таким требованием не был согласен. «Образование есть лишь шлифовка и отделка прирожденного ума и таланта, а ум и талант суть лишь оружие, очень важное само по себе, но могущее быть направленным на самые противоположные цели, указанные не только возвышенными, но и самыми низменными побуждениями» (Кони, 1969: 262).

А.Ф. Кони, являясь нравственно ангажированным мыслителем, пытается в любой человеческой деятельности отстаивать необходимость твердых непоколебимых нравственных начал. Он отмечает: «Обра-

зование, и притом по большей части поверхностное, без твердых нравственных начал, особой гарантии добросовестности редактора не представляет» (Кони, 1969: 264). Требование наличия высшего образования сильно ограничивает область, из которой могут выходить издатели и редакторы-издатели. Образовательный ценз теряет свою полезность и необходимость, когда мы вспоминаем о В.Г. Белинском, А.В. Дружинине, М.Ю. Лермонтове, Л.Н. Толстом, которые не смогли бы предоставить формального свидетельства о своем высоком образовательном цензе. Тем не менее, эти люди, в оценке А.Ф. Кони, представляют собой «украшение мировой литературы, составляющее бесспорную гордость и славу России» (Кони, 1969: 266). «Горячее чувство и искание правды, вдумчивое изучение и понимание высших потребностей человеческого духа – вот их образовательный ценз» (Кони, 1969: 269), – заключает А.Ф. Кони.

Концессионная система в случае своего применения к журналистской и издательской деятельности превратила бы принцип выбора редакторов и издателей в подбор безликих фигур, соответствующих исключительно формальным критериям. А.Ф. Кони не исключает концессионную систему вовсе, однако указывает на ее эффективность лишь для отдельных видов профессий, таких как инженер, архитектор, врач, в свою очередь, замечая, что, выдавая диплом представителям данных профессий, государство тем самым как бы ручается, что таковое лицо обладает техническими знаниями для врачевания или производства построек. Но он не допускает проведения аналогии между технической профессией и журнальным делом. При концессионной системе невозможно удостоверить техническую пригодность человека для занятия

⁵ А.Ф. Кони никогда не рассматривал предметы или явления поверхностно, односторонне. Его размышления часто носили ярко выраженный этико-философский характер, характеризовались усиленным вниманием к самому человеку, отдельной личности.

См., напр. (Кони, 2018 (б); Кони, 1967). Особенно ясно и детально эта позиция выражена в рукописи: Кони А.Ф. Этика личного поведения // ИРЛИ РАН арх. Пушкинского дома. Ф 134. Оп. 1. Ед. хр. 233) и др.

издательским промыслом, ибо такого критерия не существует, и техника журналиста не поддается определению.

Одним из предметов обсуждения был возрастной ценз журналистов. Возражение против ценза в 25 лет и требование его повысить до 30 лет А.Ф. Кони не принимает, аргументируя тем, что для судей возрастной ценз составляет 25 лет, и у государства нет объективных оснований предъявлять к журналисту более высокие требования, чем к судье (Кони, 1969: 270). Более того, молодежь отличается увлеченностью и обостренным чувством желанья правды и истины, в то время как для старости характерны рутинность и равнодушие к неправде.

А.Ф. Кони выражает непонимание и в отношении к чрезмерным карательным постановлением в религиозной области. «Статьи о богохулении, кощунстве, надругательстве над священными предметами и чувствами и т. п. достаточно ограждают веру. Если же в разрешенном издании найдет себе место голос сомнения в правильности тех мер, которыми церковь оберегает и насаждает веру, или критический разбор ее миссионерской деятельности и отношения к другим исповеданиям, равно славящим единого Бога, или провозглашающим учение Христа, или, наконец, пребывающим в слепоте язычества, прозрение от которой достигается словами мира и любви, а не насилием, – то от этого свет, несомый верою, не померкнет, а освещаемая им истина лишь выиграет» (Кони, 1969: 278).

А.Ф. Кони высказывается о необходимости применения порядка карательной цензуры⁶ с соблюдением точно установленного срока для получения разрешения на выпуск издания из типографии. Он предлагает механизм, согласно которому издатель

книги будет гарантирован от задержания ее без достаточных оснований лишь потому, что цензор будет опасаться подвергнуться упреку за то, что выпустил книгу, которая вызвала против себя преследование. Необходим определенный срок рассмотрения книг цензурными органами, который должен быть достаточным для полноценного изучения. А.Ф. Кони определяет этот срок в семь дней (исключение делается для брошюр, срок рассмотрения которых составляет 4-5 дней) (Кони, 1969: 278). Это представлялось достаточным для того, чтобы изучить предлагаемое для публикации произведение, и в то же время не достаточным для того, чтобы цензор чрезмерно вчитывался в книгу с целью намеренно найти в ней признаки преступления.

А.Ф. Кони считает недопустимым объединять прокурора и цензора в одном лице, ссылаясь на то, что преследование возбуждается сообщениями и донесениями административных мест и лиц. Соответственно, не может одно и то же лицо доносить о книге с запрещенным содержанием и само же возбуждать против нее уголовное преследование. Таким образом, создадутся две независимые друг от друга «ветви власти».

В своих заключениях А.Ф. Кони делает явный упор на процессуально-юридические рамки, которые позволяли бы регулировать процесс цензурного регулирования. Тем не менее, со свойственной ему пронизательностью, он останавливает внимание на этических смыслах цензурной деятельности, полагая недопустимым превращение журналистского и издательского дела в очередную бюрократическую машину⁷.

⁶ Карательная цензура – «вид государственного надзора за печатью в 1865–1917 гг. В отличие от предварительной цензуры, рассматривала книги и журналы по напечатании, но до выхода в свет. За нарушение цензурных правил налагался арест на издание, автор и издатель привлекались к суду». – Ис-

тория государственного управления. Терминологический словарь [Электронный ресурс]. URL.: <https://interpretive.ru/termin/karatelnaja-cenzura.html> (дата обращения 12.04.2022).

⁷ Временные правила были изданы 24 ноября 1905 года. Для всех периодических изданий, выходящих в городах, они отменяли предварительную

Святитель Феофан Затворник: цензурное самоумаление

Свт. Феофан Затворник (Г.В. Говоров) – яркий представитель мистико-аскетической традиции Восточного христианства, своим творчеством привнесший существенный вклад в сокровищницу не только Русской православной церкви, но и всего Вселенского Православия. В целом он положительно относился к органам, осуществляющим духовную цензуру, возлагая на их деятельность большие надежды в области защиты общества от ересей и расколов. В одном из своих писем он без тени сомнения высказывается о необходимости учреждения в России министерств, в ведомстве которых находится цензура: «Государь Император всем сердцем и всю силою заботится о распространении истинного просвещения, и об отвращении зловерных учений – учреждает министерство, цензуры, и над цензурами цензуру, а зловерие и зломыслие все прорывается и находит в смельчаках добрых себе проводников» (Тертышников, 1999: 67-68).

Назначенный епископом на Владимирскую кафедру свт. Феофан считает необходимым учредить в своей епархии такой Цензурный комитет, в ведомство которого входило бы назначение катехизаторов и контроль за качеством их поучений: «Для наблюдения за проповедничеством по всей Владимирской епархии преосвященный Феофан учредил еще особый Цензурный комитет при Духовной консистории. <...> Этот Комитет обязан был назначать катехизаторов, рассматривать представляемые ему поучения, высказывать свое мнение об их достоинстве и недостатках, а также о мерах к устранению последних и следить за неопустительным исполнением священниками проповеднических обязанностей» (Тертышников, 1999: 67-68). Деятельность

цензуру и устанавливали явный порядок учреждения. Была отменена предварительная цензура и отменена статья 140 Устава о печати, критике которой также уделял внимание А.Ф. Кони. Отменив общую

Цензурного комитета имела положительные результаты. Как свидетельствует один из священнослужителей, проходивший в означенный период служение во Владимирской епархии: «Циркуляр этот, как заботливый голос верного долга архипастыря, признаться, заставил многих из нас усиленнее взяться за проповедничество» (Тертышников, 1999: 68).

Помимо того, что свт. Феофан по роду своей деятельности для блага общества считал необходимым учреждение органов цензуры, он сам, по обязанностям своего служения Матери-Церкви и Отечеству, осуществлял контроль за вверенными его управлению теми или иными органами цензуры. При этом свт. Феофан, будучи одним из самых плодовитых духовных писателей XIX столетия, и сам неоднократно попадал под жесткий пресс центральных государственных цензурных духовных ведомств. Полагая, что процедура строгого цензурного контроля во многом зависит не только от существующих предписаний и регламентов, но и от индивидуальных особенностей поставленных на эту должность цензоров, свт. Феофан понимал, что вероятность того, что и его собственные произведения могли не допустить к печати, была очень высокой. Тем не менее, несмотря на все существующие препоны, он со смирением и покорностью, во всем полагаясь на волю Божию, настраивал себя на принятие такого рода резолюций: «Немного смутился при мысли о возможности не разрешения печатать ее Св. Синодом. А потом немного смирился, говоря в себе: буди воля Божия. Уж коли положено не разрешать такого рода писаний, то делать нечего: руки по швам и: слушаю-с!» (Феофан Затворник, 2009 (b)).

Процедура цензурирования в культурно-исторической ситуации свт. Феофана была примерно следующей: духовные

и духовную цензуру, «Правила» все же предусматривали контроль со стороны местных властей. Были детально регламентированы вопросы ответственности за различные нарушения правил о печати. См. подробнее: (Шингарева, 2014).

писатели для оценки и рецензирования своих произведений передавали их специально назначенным цензорам; после проработки духовных произведений те, в свою очередь, передавали в специальные комитеты свои отзывы-оценки; на основании уже решения цензурных комитетов принималось решение о допуске того или иного произведения в печать или его запрете. Длительность цензурирования могла быть разной. Иногда оно проходило достаточно быстро, в течение нескольких дней, но могло длиться и до нескольких лет, и в этом случае «ангельского терпения» у авторов цензурируемых текстов не всегда хватало. Тем ценнее высказывания свт. Феофана касательно проверки составленной им Евангельской истории: «Что ж это делается с моею Евангельской историею?! Верно не в добрый час начал, или кончил, или послал в цензуру. Или цензор с глаз съел, – или другая какая подобная притча случилась, – что все стоит и не движется. – И что там спит цензура?! Не шлет. Взял бы палку, и ну дуть всех. Всяко, когда-нибудь да придет конец этому делу. Подождем. Мы ведь не на юру прогресса стоим. В захолустье» (Феофан Затворник, 2009 (с)). Свт. Феофан принадлежал к высшему духовному сословию; несмотря на это и его духовные произведения могли попасть в жернова духовной цензуры, результатом чего мог последовать если не запрет на публикацию вообще, то довольно длительное ожидание.

⁸ «Большинство наших национальных сект, как отошедших в область истории, так и еще продолжающих существовать, возникали в той среде, которая известна у нас под именем “простонародья” или “черного люда”. Но секта пашковцев в этом отношении представляет как бы исключение. Своими представителями и последователями она имела лиц, принадлежащих к высшему петербургскому обществу» (Терлецкий, 1891: 3).

⁹ «Как нелепо действовала против него наша духовная власть, из рук вон. 5 лет трубит, – а ему ничего. Мне стало сдаваться, не изъявил ли как-либо митрополит согласие на его проповедь, будучи обманут льстивыми пашковскими речами о значении воплощенного домостроительства» (Тертышников, 2008: 282).

В письмах свт. Феофана можно ясно видеть и другие парадоксы духовной цензуры. Вот как свт. Феофан реагировал на появление в обществе книг возникшей в то время секты пашковцев: «Отпечатаны книжки с их зловерием, кои распространяются не хуже исаакиевской кафедры. В Москве о. Арсений показывал мне книжонку, под заглавием (кажется): “Христос Спаситель”, – и в ней фразу: “поп не отпустит тебе грехов на исповеди, силы такой у него нет” (мысль, а слова забыл). В середине, может быть, и другое что найдется дурное. Книжка разрешена цензурою. Пашков говорит (или показывает), что имеет письменное разрешение – от Государя и митрополита, с приложением печатей – проповедовать Евангелие. Эта ложь сильно располагает в пользу его» (Феофан Затворник, 2009 (а)). Причины, по которой цензурные комитеты могли пропустить и разрешить издание такого рода книг, в которых явно прослеживается противоречие православной вере, состояли в том, что к этой секте прикнули лица из разряда высшего петербургского общества⁸. Эти люди имели достаточно серьезные связи в обществе и были вполне способны повлиять на цензоров⁹.

Свт. Феофан с болью в сердце воспринимал стремительное движение общества к разгулу и распущенности¹⁰: «С.-Петербург – разгульный, невер и революционер» (Феофан Затворник, Письмо 1320). Причем

¹⁰ Один из современников этого периода писал: «В России это понижение общего уровня должно было отразиться в еще более печальных явлениях, нежели где-либо. Современное русское общество превратилось в умственную пустыню. Серьезное отношение к мысли, искреннее уважение к науке почти исчезли; всякий живой источник вдохновения иссяк. С падением философии логика сделалась излишним бременем; умение связывать свои понятия отошло к области предрассудков. Никогда еще русская литература не стояла так низко; никогда легкомыслие и невежество так беззастенчиво не выставлялись напоказ. Самые крайние выводы самых односторонних западных мыслителей, обыкновенно даже непонятые и не переваренные, смело выдаются за последнее слово европейского просвещения. Либерализм и социализм, реализм и утопия, самые противоположные и

не только люди светские, но и само церковное общество, а вместе с ним и церковная литература, призванная к тому, чтобы сдерживать растление и распад общества и насаждать своим благовестием Веру и благочестие, также на тот период утрачивала свои функции. Вот как свт. Феофан высказывается о деятельности одного из главных на тот момент духовных журналов Русской Церкви, «Церковного вестника»: «Этот журнал стал распространителем худых мыслей о церкви и делах церковных... Иной в захолустье живя, и не услышал бы никогда иных худостей... а вот теперь ему прислушивается “Церковный вестник” и преподносит всякую дрянью» (Феофан Затворник, 2009, письмо 1142).

В целом, на основании неофициальных высказываний свт. Феофана о духовной цензуре можно сделать вывод, что органы, осуществляющие духовный надзор за публикациями, проводили свою работу не всегда адекватно общественной ситуации, иногда препятствовали и задерживали публикацию вполне достойных произведений, иногда же пропускали в печать произведения, которые вызывали соблазны и расколы.

Выводы

Исследование основополагающих документов и практик цензурной деятельности XIX – начала XX веков позволяет думать, что цензура была сложным явлением русской общественной жизни. В ней давало

о себе знать стремление цензоров быть понимающими читателями цензурируемых текстов и, одновременно с этим, соблюдать государственные интересы издательской деятельности Российской империи. Разнообразие толкований цензуры – ее нравственных и вероучительных оснований, государственной целесообразности и ответственности цензоров, коллегиальной и личной – предполагалось несколькими ее уставами 1804–1828 гг., иными документами, регламентирующими ее деятельность. Это разнообразие типическим образом может быть представлено в порядке ситуативного анализа наследия русских мыслителей, причастных к цензурной деятельности.

Профессор А.В. Никитенко, пятнадцать лет прослуживший в Санкт-Петербургском цензурном комитете, являясь понимающим читателем и ценителем лучших образцов современной ему русской литературы, ставших впоследствии классическими, при этом был весьма осторожным цензором. Его дневниковые записи сохранили эпизоды столкновения с духовной цензурой в процессе его цензорской деятельности. Эти эпизоды были связаны с особенностями цензурного законодательства и многочисленными примечаниями к цензурному уставу 1828 года, а также с активным вмешательством духовной цензуры в светскую. Характерен диалог А.В. Никитенко и Ф.Ф. Сидонского, прошедшего через испытание цензурой. По всей видимости, А.В. Никитенко, подробно описывая в

исключающие друг друга направления, сливаются в невообразимый хаос, в котором можно найти все, кроме знания и мысли. Таково наше положение. Когда читаешь или вспоминаешь о прежних людях, с их широким образованием, с их возвышенными интересами, при гораздо меньшей возможности действовать, больно и обидно становится за настоящее. Западные европейские общества, погрузившись в исключительное изучение частных дел, сохранили по крайней мере одну облагораживающую черту: упадок мысли искупается до некоторой степени значительностью умственного труда, обращенного на исследование фактического материала. У нас, к сожалению, и этого нет. Если западного европейца

можно сравнить с рудокопом, который неумоимо работает в рудниках, приготовляя себе богатства для будущего, то мы, при скудости нашего образования, довольствуемся ожиданием чужих благ, а пока питаемся кое-где подобранными крохами, которые доставляют посредники, слишком часто рассчитывающие на неразборчивость публики. Отсюда внутренний разлад и дикие фантазии, рождающиеся во мраке. Сколько среди нас людей, которые забыли даже, что существует свет Божий, и готовы закидать камнями того, кто дерзает о нем помянуть!» (Чичерин, 1999: 20-21).

своем дневнике отстранение Ф.Ф. Сидонского от преподавательской деятельности в Александро-Невской академии из-за выхода в свет «Введения в науку философии», считал этот эпизод показательным для характеристики духовной цензуры 30-х годов XIX в.

Предметами цензуры для В.Ф. Одоевского выступают формы языка, фантазия сочинителя и мнение публики, причем последнее имеет наибольшее значение в дальнейшей судьбе цензурируемого произведения. Цензор, согласно Одоевскому, призван найти точку смыслового постоянства в рассматриваемом тексте – во избежание его чрезвычайной интерпретативной подвижности; для этого предлагается герменевтическое обращение к этическому горизонту текста как высказывания, уточнение целей и намерений автора цензурируемого произведения, требующее особого внимания к собственным предпосылкам и со стороны цензора.

Находясь до 1850 г. в тесной связи с университетским сообществом, цензурные ведомства назначали на свои должности представителей профессорского состава. К таковым относился О.М. Новицкий, деятельность которого в течение тридцати трех лет была тесно связана с цензурными институтами в Киеве. Предметом цензуры для Новицкого становились противоречавшие, по его мнению, идеям благочестия и преданности вере и отечеству принципы материализма, от которых, будучи богословом, он стремился оградить своих сограждан.

Проблема цензуры не осталась незамеченной и в трудах российского государственного и общественного деятеля А.Ф. Кони. Размышления А.Ф. Кони по вопросу цензуры носят этико-ориентированный характер, целью их являлось недопущение превращения журналистского и издательского дела в безликую бюрократическую машину. А.Ф. Кони не только писал о цензуре, но и сам был подвержен ее преследованию, например, в связи с написанием диссертации о праве необходимой обороны

в студенческие годы, и позже, в связи с ведением дела В. Засулич. В наиболее системном виде его мысли по вопросу цензуры были изданы в материалах «Совещания о составлении устава о печати».

Святитель Феофан Затворник считал введение духовной цензуры, а равным образом и учреждений, осуществляющих соответствующую деятельность, необходимым, неотложным процессом, способным сохранить российское общество от ложных ценностей, а также зловерия, происходящего от невежества и необразованности. Согласно свт. Феофану, процедура цензурирования в России имела ряд недостатков и недоработок: бывали случаи, когда временной интервал цензурирования выходил за рамки благоразумного ожидания и препятствовал своевременному выходу произведений, нужных российскому обществу; впрочем, духовная цензура могла закрыть глаза на явно еретические произведения и наделить такого рода авторов полномочиями и разрешениями распространять свою ложь публично.

Анализ смысловых структур и типичных ситуаций цензурных практик в России XIX – начала XX вв. далек от завершения. Между тем, как показывает исследование, русская цензура может быть вполне представлена на междисциплинарных гранях, в ситуативной герменевтике ее исторической событийности.

Источники

Высочайше утвержденное мнение Государственного совета... о новом штате Цензурного управления // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Т. XXV. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1850. 762 с.

Кони, А.Ф. О праве необходимой обороны. М.: Университетская типография, 1866. 103 с.

Кони, А.Ф. Задачи «Трудовой помощи» // Кони, А.Ф. Закон и справедливость. Статьи и речи. СПб.: Эксмо, 2018. С. 105-113. (а)

Кони, А.Ф. Загоскин и цензура // Кони, А.Ф. Очерки и воспоминания (публицистические чтения, речи, статьи и заметки). СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1906. С. 865-869.

Кони, А.Ф. Нравственные начала в уголовном процессе (общие черты судебной этики) // Кони, А.Ф. Закон и справедливость. Статьи и речи. СПб.: Эксмо, 2018. С. 15-35. (b)

Кони, А.Ф. О самоубийстве в законе и в жизни // Кони, А.Ф. Собр. соч.: В 8 т. / под общ. ред. В.Г. Базанова и др. Т. 4 / сост. и авт. коммент. М.М. Выдря. М.: Юридическая литература, 1967. С. 454-480.

Кони, А.Ф. Совецание о составлении устава о печати // Кони, А.Ф. Собр. соч. в 8 т. / под общ. ред. В.Г. Базанова и др. Т. 7 / подгот. и сост. коммент. А.Д. Алексеев, А.П. Могилянский, Н.Н. Мостовская и др. М.: Юридическая литература, 1969. С. 260-287.

Кони, А.Ф. Этика личного поведения // ИРЛИ РАН арх. Пушкинского дома. Ф. 134. Оп. 1. Ед. хр. 233. и др.

Никитенко, А.В. Дневник: В 3 т. / подгот. текста, вступ. статья и примеч. И.Я. Айзенштока. Т. 1. М.: Гослитиздат, 1955. 543 с.

Новицкий, О.М. Духоборцы: их история и вероучение. Изд. 2-е, переделанное и доп. Киев: В унив. тип. (И. Завадского), 1882. 282 с.

Об учреждении Духовной Цензуры в Москве при Ставропигиальном Донском монастыре: именной указ, объявленный Синоду Обер-Прокурором князем Хованским от 14 марта 1799 г. № 18888. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. Т. XXV. 1798-1799 гг. / сост. М.М. Сперанский. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. С. 583-585.

Одоевский, В.Ф. Из бумаг князя В.Ф. Одоевского / публ. А.Н. Кошелева // Русский Архив. 1874. Кн. 2. Вып. 7. Стб. 11-54.

Одоевский В.Ф. Русские ночи / подг. Б.Ф. Егоров, Е.А. Маймин, М.И. Медовой. Л.: Наука, 1975. 317 с.

Регламент или Устав Духовной Коллегии // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. Т. VI. 1720-1722 / сост. М.М. Сперанский. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1830. С. 314-346.

Указ «О предоставлении книг на рассмотрение Совета Его Императорского Величества,

признаваемых цензурою недозволенными и сомнительными» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. Т. XXIV. 6 ноября 1796-1798 гг. / сост. М.М. Сперанский. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. С. 647.

Указ именной, данный Сенату «Об ограничении свободы книгопечатания и ввоза иностранных книг; об учреждении на сей конец Цензуры в городах: Санкт-Петербурге, Москве, Риге, Одессе и при Радзивиловской таможне и об упразднении частных типографий» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. Т. XXIII. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. С. 933-934.

Устав о цензуре. 1804. 9 июля // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. Т. 28. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. С. 439-444. То же: Музей истории российских реформ имени П.А. Столыпина [Электронный ресурс]. URL: <http://xn--e1aaejmenosqx.xn--plai/node/13659> (дата обращения: 10.04.2022)

Устав о цензуре. 1828. 22 апреля // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Т. 3. №№ 1677-2584. СПб., 1828. № 1979. То же: Открытый текст. Электронное периодическое издание. Нижегородское отделение Российского общества историков-архивистов [Электронный ресурс]. URL: <http://opentextnn.ru/old/censorship/russia/dorev/law/1828/index.html> (дата обращения: 10.04.2022)

Феофан Затворник. Письмо 1132. Предположение об издании наставлений о молитве и трезвении. Новый волк из партии Редстока – Пашков и меры к пресечению сеемого им лжеучения // Феофан Затворник. Наставления в духовной жизни. Выпуск 12. М.: Отчий дом, 2009.; то же: Азбука веры [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Feofan_Zatvornik/nastavlenija-v-duhovnoj-zhizni/4_12 (дата обращения: 18.11.2021). (a)

Феофан Затворник. Письмо 1164. О Цензуре Евангельской истории. Опасение о неразрешении к печатанию // Наставления в духовной жизни. Выпуск 12. М.: Отчий дом, 2009.; то же: Азбука веры [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Feofan_Zatvornik/nasta

vlenija-v-duhovnoj-zhizni/4_12 (дата обращения: 18.11.2021). (b)

Феофан Затворник. Письмо 1166. Еще о цензуре Евангельской истории. Составление жития Св. Велик. Пантелеимона и о других своих трудах. О результатах Киевского собора. Нужда в изъяснении церковных книг // Наставления в духовной жизни. Выпуск 12. М.: Отчий дом, 2009.; то же: Азбука веры [Электронный ресурс]. URL:

https://azbyka.ru/otechnik/Feofan_Zatvornik/nastavlenija-v-duhovnoj-zhizni/4_12 (дата обращения: 18.11.2021). (с)

Феофан Затворник. Собрание писем. Выпуск 8. Письмо 1320. О детях и Софии Слепцовой // Азбука веры [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Feofan_Zatvornik/pisma/8_106#8_1320 (дата обращения: 18.11.2021).

Литература

Вацуро, В.Э. К цензурной истории «Демона» // М. Ю. Лермонтов: Исследования и материалы. Л.: Наука. Ленингр. отделение, 1979. С. 410-414.

Вацуро, В.Э., Гиллельсон, М.И. Сквозь «умственные плотины»: Очерки о книгах и прессе пушкинской поры. Изд. 2-е, доп. М.: Книга, 1986. 385 с.

Векслер, Е.И. Религиозная философия Ф. Ф. Сидонского (опыт реконструкции). Автореф. дис. ... канд. философ. наук. Благовещенск, 2007. 26 с.

Волк, С., Муратов, А., Выдри, М. Анатолий Фёдорович Кони // Кони А.Ф. Собр. соч. в 8 т. Т. 1. М.: Юридическая литература, 1969. С. 5-36.

Воробьёв, А.М. Религиозная цензура как явление русской культуры XVIII – первой четверти XIX вв.: дис. ... канд. культурол. наук. Екатеринбург, 2018. 195 с.

Гринченко, Н.А. Профессор в цензурном ведомстве России в первой половине XIX века // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2013. Том 201. С. 9-19.

Дроздов, А.В. Опыт системы нравственной философии / Соч. магистра Алексея Дроздова. СПб.: Ф. Синодский, 1835. 94 с.

Жирков, Г.В. История цензуры в России XIX-XX вв. М.: Аспект Пресс, 2001. 367 с.

Иникова, С.А. «Записка, поданная духовными борцами Екатеринославской губернии в 1791

году губернатору Каховскому»: история создания // Вопросы истории. 2014. № 7. С. 136-158.

Котович, А.Н. Духовная цензура в России (1799–1855 гг.). СПб.: Родник, 1909. 608 с.

Лесков, Н.С. Письмо И. С. Аксакову. 16 ноября 1874 г. // Лесков Н.С. Собр. соч. в 11 томах. Т. 10. М.: ГИХЛ, 1957. С. 361–363.

Лесков, Н.С. Письмо Л. Н. Толстому. 4 декабря 1892 г. // Толстой Л.Н. Переписка с русскими писателями. Т. 2. Изд. 2-е, дополн. Сост., примеч. С.А. Розановой. М., Художественная литература, 1978. С. 262.

Лесков, Н.С. Учение штундистов: (Черты из епархиальной жизни) // Гражданин. 1875. № 42. С. 1-10.

Малинов, А.В. Неопубликованный текст А.В. Никитенко // Вопросы философии. 2006. № 11. С. 125-127.

Надежин, Ф.С. Очерк истории философии по Рейнгольду, сделанный Ф. Надежиным. СПб.: тип. Деп. внеш. торг., 1837. 239 с.

Палий, М. Из воспоминаний об университете и преподавателях (30–40 гг. XIX ст.) // С именем Св. Владимира. Киевский университет в документах, материалах и воспоминаниях современников: В 2-х кн. Кн. 1. Киев: Заповедь, 1994. С. 241-250.

Паршукова, Н.А. В. Ф. Одоевский – теоретик и практик печати и цензуры 1830-1840-х гг.: дис. ... канд. филолог. наук. СПб.: СПбГУ, 2004. 237 с.

Патрушева, Н.Г. Цензурное ведомство в государственной системе Российской империи во второй половине XIX – начале XX века: Дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. СПб., 2014. 747 с.

Полякова, И.А. Ф.Ф. Сидонский: право на биографию. СПб.: РХГА, 2009. 221 с.

Пушкин, А.С. Евгений Онегин // Пушкин А.С. Полн. собр. соч. в 10 т. Т. 5. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1950. С. 7-193.

Рождественский, Н.П. По поводу издания богословских лекций о Сидонского // Христианское чтение. 1876. № 9–10. С. 290-336.

Сажин, А.В. Н. С. Лесков и сектанты: из истории творческих и религиозных связей: дис. ... канд. филологических наук. СПб., 2008. 180 с.

Терлецкий, В.Н. Секта пашковцев. СПб.: Издание книгопродавца И.Л. Тузова, 1891. 139 с.

Тертышников, Г. Святитель Феофан Затворник и его учение о спасении. М.: Правило Веры, 1999. 568 с.

Тертышников, Г., архим. Симфония по творениям святителя Феофана Затворника Вышенского. М.: Дар, 2008. 640 с.

Чичерин, Б.Н. Наука и религия. М.: Республика, 1999. 454 с.

Шингарева, М.В. Временные правила о печати 1905-1906 гг. и роль министерства внутренних дел в их реализации // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 12. С. 68-70

Шульгин, В. История Университета Св. Владимира. СПб.: СПбГУ, 1860. 230 с.

Sources

“A nominal decree given to the Senate ‘On restricting the freedom of printing and importation of foreign books; on the establishment of Censorship in the cities of St. Petersburg, Moscow, Riga, Odessa and at Radzivilovskaya Customs and on the abolition of private printing houses’” (1830), *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoy imperii. Sobranie I. T. XXII*. [The Complete Collection of Laws of the Russian Empire. The first meeting. Volume XXIII], Tip. II Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kancelyarii, St. Petersburg, Russia, 933-934 (in Russ.).

“Decree ‘On the provision of books for consideration by the Council of His Imperial Majesty, recognized by censorship as illegal and questionable’” (1830), *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoy imperii. Sobranie I. T. XXIV. 6 noyabrya 1796–1798 gg.* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. The first meeting. Vol. XXIV. 6 november, 1796–1798], Tip. II Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kancelyarii, St. Petersburg, Russia, 647 (in Russ.).

Koni, A. F. (1866), *O prave neobhodimoy oborony* [On the right of necessary defense], Universitetskaya tipografiya, Moscow, Russia (in Russ.).

Koni, A. F. (2018a), “Tasks of ‘Labor assistance’”, *Zakon i spravedlivost'. Stat'i i rechi* [Law and Justice. Articles and speeches], Eksmo, St. Petersburg, Russia, 105-113 (in Russ.).

Koni, A. F. (1906), *Zagoskin and censorship, Ocherki i vospominaniya (publichnye chteniya, rechi, stat'i i zametki)* [Essays and memoirs: (public readings, speeches, articles and notes)], Tipografija A. S. Suvorina, St. Petersburg, Russia, 865-869 (in Russ.).

Koni, A. F. (2018b), “Moral principles in criminal proceedings (general features of judicial ethics)”, *Zakon i spravedlivost'. Stat'i i rechi* [Law

and Justice. Articles and speeches], Eksmo, St. Petersburg, Russia, 15-35 (in Russ.).

Kony, A. F. (1967), “On suicide in law and in life”, *Sobraniye sochineniy: V 8 t. T. 4* [Collected works: In 8 vols. Vol. 4], in Bazanov, V. G. et al. [eds.], *Juridicheskaya literatura*, Moscow, Russia, 454-480 (in Russ.).

Koni, A. F. (1969), “Meeting on the drafting of the charter of the press”, *Sobraniye sochineniy: V 8 t. T. 7* [Collected works: In 8 vols. Vol. 7], in Bazanov, V. G. et al. [eds.], *Juridicheskaya literatura*, Moscow, Russia, 260-287 (in Russ.).

Koni, A. F. “Ethics of personal behavior”, *IRLI RAN, arhiv Pushkinskogo doma* [Institute of Russian Literature of the Russian Academy of Sciences, Pushkin House Archive], f. 134, op. 1, storage units 233 (in Russ.).

Nikitenko, A. V. (1955), *Dnevnik: V 3 t. T. 1* [Diary: In 3 vol. Vol. 1], in Aisenstock, I. Ya. (ed.), *Goslitzdat*, Moscow, Russia (in Russ.).

Novitsky, O. M. (1882), *Duhobortcy: ikh istoriya i verouchenie. Izd. 2-e, peredelannoe i dop.* [Dukhobortsy: their history and doctrine. 2-nd edition, revised and additional], Universitetskaya tipografiya (I. Zavadskogo), Kiev, The Russian Empire, (in Russ.).

“On the establishment of Spiritual Censorship in Moscow at the Stauropegial Donskoy Monastery: a nominal decree announced to the Synod by the Chief Prosecutor Prince Khovansky dated March 14, 1799, No. 18888” (1830), *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoy imperii. Sobranie I. T. XXV. 1798–1799 gg.* [The Complete Collection of Laws of the Russian Empire. The first meeting. Vol. XXV. 1798–1799], Tip. II Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kancelyarii, St. Petersburg, Russia, 583-585 (in Russ.).

Odoevsky, V. F. (1874), “From the papers of Prince V. F. Odoevsky”, *Russkiy Arhiv. Kn. 2. Vyp. 7. Stb. 11-54* [Russian Archive. Book 2. Issue 7. Col. 11-54], [Online], available at: https://runivers.ru/upload/iblock/a6b/024%20tom_Russkiy%20arhiv_1874_vip%205-8.pdf (Accessed 4 November 2021) (in Russ.).

Odoevsky, V. F. (1975), *Russkie nochi* [Russian nights], in Egorov, B. F., Maymin, E. A. and Medovoy, M. I. (eds.), *Nauka*, Leningrad, USSR (in Russ.).

“Regulations or the Statute of the Spiritual College” (1830), *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoy imperii. Sobranie I. T. VI. 1720–1722* [The

Complete Collection of laws of the Russian Empire. The first meeting. Vol. VI. 1720–1722], Tip. II Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kancelyarii, St. Petersburg, Russia, 314-346 (in Russ.).

“The most highly approved opinion of the State Council... about the new staff of the Censorship Department” (1850), *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoy imperii. Sobranie 2. T. XXV* [The Complete Collection of laws of the Russian Empire. The second meeting. Vol. XXV], Tip. II Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kancelyarii, St. Petersburg, Russia, (in Russ.).

“The Statute of Censorship. 1804. July 9th” (1830), *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoy imperii. Sobranie 1. T. XXVIII* [The Complete Collection of laws of the Russian Empire. The first meeting. Vol. XXVIII], Tip. II Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kancelyarii, St. Petersburg, Russia, 439-444 (in Russ.), the same: *Muzej istorii rossijskikh reform imeni P. A. Stolypina* [Museum of the History of Russian Reforms on the estate of P.A. Stolypin] [Online], available at: <http://xn--e1aaejmenocxq.xn--plai/node/13659> (Accessed 10 April 2022) (in Russ.).

“The Statute of Censorship. 1828. April 22nd” (1828), *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoy imperii. Sobranie 2. T. III. No. 1677–2584. No. 1979* [The Complete Collection of laws of the Russian Empire. The second meeting. Vol. III. No. 1677–2584. No. 1979], Tip. II Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kancelyarii, St. Petersburg, Russia (in Russ.), the same: *Otkrytyj tekst. Elektronnoe periodicheskoe izdanie. Nizhegorodskoe otdelenie Rossijskogo obshchestva istorikov-arkhivistov* [Plaintext. Electronic periodical. Nizhny Novgorod branch of the Russian Society of Historians and Archivists] [Online], available at: <http://opentextnn.ru/old/censorship/russia/dorev/law/1828/index.html> (Accessed 10 April 2022) (in Russ.).

Theophan the Recluse (2009a), “Letter 1132. The assumption about the publication of instructions on prayer and sobriety. The new wolf from the Redstock party is Pashkov and measures to stop the false teaching he sows”, *Nastavleniya v dukhovnoj zhizni. Vypusk 12* [Instructions in spiritual life. Issue 12], Otchiy dom, Moscow, Russia, (in Russ.), the same: *Azbuka very* [ABC of faith] [Online], available at: https://azbyka.ru/otechnik/Feofan_Zatvornik/nastavleniya-v-duhovnoj-zhizni/4_12 (Accessed 18 November 2021) (in Russ.).

Theophan the Recluse (2009b), “Letter 1164. About the Censorship of the Gospel Story. Fear of not being allowed to print”, *Nastavleniya v dukhovnoj zhizni. Vypusk 12* [Instructions in spiritual life. Issue 12], Otchiy dom, Moscow, Russia, (in Russ.), the same: *Azbuka very* [ABC of faith] [Online], available at: https://azbyka.ru/otechnik/Feofan_Zatvornik/nastavleniya-v-duhovnoj-zhizni/4_12 (Accessed 18 November 2021) (in Russ.).

Theophan the Recluse (2009c), “Letter 1166. More about the censorship of the Gospel story. Compilation of the Life of St. Great. Panteleimon and about his other works. About the results of the Kiev Cathedral. The need to explain church books” *Nastavleniya v dukhovnoj zhizni. Vypusk 12* [Instructions in spiritual life. Issue 12], Otchiy dom, Moscow, Russia, (in Russ.), the same: *Azbuka very* [ABC of faith] [Online], available at: https://azbyka.ru/otechnik/Feofan_Zatvornik/nastavleniya-v-duhovnoj-zhizni/4_12 (Accessed 18 November 2021) (in Russ.).

Theophan the Recluse, “Collection of letters. Issue 8. Letter 1320. About children and Sofia Sleptsova”, *Azbuka very* [ABC of faith] [Online], https://azbyka.ru/otechnik/Feofan_Zatvornik/pisma/8_106#8_1320 (Accessed 18 November 2021) (in Russ.).

References

Chicherin, B. N. (1999), *Nauka i religiya* [Science and religion], Respublika, Moscow, Russia (in Russ.).

Drozdov, A. V. (1835), *Opyt sistemy nravstvennoy filosofii: Sochinenie magistra Alekseya Drozdova* [The experience of the system of moral philosophy: Op. magister Alexey Drozdov], F. Synodsky, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Grinchenko, N. A. (2013), “Professor in the censorship department of Russia in the first half of the XIX century”, *Trudy Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury* [Works of the St. Petersburg State Institute of Culture], 201, 9-19 (in Russ.).

Inikova, S. A. (2014), ““A note submitted by the Dukhobors of Yekaterinoslav province in 1791 to Governor Kakhovsky’: the history of creation”, *Voprosy istorii* [Questions of history], 7, 136-158 (in Russ.).

Kotovitch, A. N. (1909), *Dukhovnaja cenzura v Rossii (1799–1855)* [Spiritual censorship in Russia (1799–1855)], Rodnik, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Leskov, N. S. (1957), "Letter to I. S. Aksakov. November 16, 1874", *Sobranie sochineniy: V 11 t. T. 10* [Collected works: In 11 vol. Vol. 10], Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury, Moscow, USSR, 361-363 (in Russ.).

Leskov, N. S. (1978), "Letter to L. N. Tolstoy. December 4, 1892", *Tolstoy, L. N. Perepiska s russkimi pisateljami. T. 2. Izd. 2-e, dopoln.* [Tolstoy, L. N. Correspondence with Russian writers. Vol. 2. Ed. second, supplement]. Khudozhestvennaya literatura, Moscow, USSR, 262 (in Russ.).

Leskov, N. S. (1875), "The teaching of the Stundists: (Traits from diocesan life)", *Grazhdanin*, 42, 1-10 (in Russ.).

Malinov, A. V. (2006), "Unpublished text by A. V. Nikitenko", *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy], 11, 125-127 (in Russ.).

Nadezhdin, F. S. (1837), *Ocherk istorii filosofii po Rejngol'du, sdelannyj F. Nadezhinym* [An essay on the history of philosophy by Reinhold, written by F. Nadezhin], Tipografiya Departamenta vneshney trgovli, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Paliy, M. (1994), "From memories of the university and teachers (30–40 years of the XIX century)", *S imenem Sv. Vladimira. Kievskiy universitet v dokumentakh, materialakh i vospominaniyakh sovremennikov: V 2-h kn. Kn. 1* [With the name of St. Vladimir. Kiev University in documents, materials and memoirs of contemporaries. In 2 books. Book 1], Zapoved', Kiev, Ukraine, 241-250 (in Russ.).

Parshukova, N. A. (2004), "V. F. Odоеvsky – theorist and practitioner of the press and censorship of the 1830–1840s", Ph. D. Thesis, Philological Sciences, St. Petersburg University, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Patrusheva, N. G. (2014), "Censorship department in the state system of the Russian Empire in the second half of the XIX – early XX century", D. Sc. Thesis, Historical Sciences, St. Petersburg University, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Polyakova, I. A. (2009), *F. F. Sidonskiy: pravo na biografuyu* [F. F. Sidonsky: the right to a biography], RHGA, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Pushkin, A. S. (1950), "Eugene Onegin", *Polnoe sobranie sochineniy: V 10 t. T. 5* [The complete works: In 10 vols. Vol. 5], Publishing House of the USSR Academy of Sciences, Moscow–Leningrad, USSR, 7-193 (in Russ.).

Rozhdestvensky, N. P. (1876), "Concerning the publication of theological lectures by O. Sidonsky", *Khristianskoe chtenie*, 9-10, 290-336 (in Russ.).

Sazhin, A. V. (2008), "N. S. Leskov and sectarians: from the history of creative and religious ties", Ph. D. Thesis, Philological Sciences, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Shingareva, M. V. (2014), "Temporary rules on the press of 1905–1906s and the role of the Ministry of Internal Affairs in their implementation", *Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 12, 68-70 (in Russ.).

Shulgin, V. (1860), *Istoriya Universiteta Sv. Vladimira* [History of the University of St. Vladimir], SPbGU, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Terletsky, V. N. (1891), *Sekta pashkovcev* [Pashkovtsev Sect], Izdanie knigoprodavca I. L. Tuzova, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Tertyshnikov, G. (1999), *Svyatitel' Feofan Zatvornik i ego uchenie o spasenii* [St. Theophan the Recluse and his doctrine of salvation], Pravilo very, Moscow, Russia (in Russ.).

Tertyshnikov, G., Archim. (2008), *Simfoniya po tvoreniam svyatitelya Feofana Zatvornika Vyshenskogo* [Symphony based on the works of St. Theophan the Recluse of Vyshensky], Dar, Moscow, Russia (in Russ.).

Vatsuro, V. E. (1979), "To the censorship history of the 'Demon'", *M. Yu. Lermontov: issledovaniya i materialy* [M. Yu. Lermontov: Research and materials], Nauka (Leningradskoe otделение), Leningrad, USSR, 410-414 (in Russ.).

Vatsuro, V. E. and Gillelson, M. I. (1986), *Skvoz' "umstvennyye plotiny": Ocherki o knigah i presse pushkinskoj pory. Izd. 2-e, dop.* [Through "mental dams": Essays on books and the press of the Pushkin era. 2nd edition, add], Kniga, Moscow, USSR (in Russ.).

Volk, S., Muratov, A. and Vydry, M. (1969), "Anatoly Fedorovich Koni", *Koni, A.F. Sobraniye sochineniy: V 8 t. T. 1.* [Collected works: In 8 vols. Vol. 1], Yuridicheskaya literatura, Moscow, USSR, 5-36 (in Russ.).

Vorobyev, A. M. (2018), "Religious censorship as a phenomenon of Russian culture of the 18th – first quarter of the 19th centuries", Ph. D. Thesis, Cultural Sciences, Yekaterinburg, Russia (in Russ.).

Wexler, E. I. (2007), "Religious Philosophy of F. F. Sidonsky (reconstruction experience)", Abstract of Ph. D. dissertation, Philosophical Sciences, Blagoveschensk, Russia (in Russ.).

Zhirkov, G. V. (2001), *Istoriya cenzury v Rossii XIX–XX vv.* [The History of censorship in Russia of the 19th – 20th centuries], Aspect Press, Moscow, Russia (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: авторы не имеют конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the authors have no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРАХ:

Гончаренко Игорь Викторович, аспирант кафедры философии и теологии, институт общественных наук и массовых коммуникаций, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; *eigor1@yandex.ru*

Коровина Ольга Вячеславовна, заведующий музейным отделом Пушкинской библиотеки-музея, Централизованная библиотечная система г. Белгорода, пр-т Ватутина, д. 4, г. Белгород, 308013, Россия; *olga-helga.1987@yandex.ru*

Месяц Кирилл Владимирович, магистрант кафедры философии и теологии, институт общественных наук и массовых коммуникаций, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; *1252767@bsu.edu.ru*

Сергеева Ирина Николаевна, магистрант кафедры философии и теологии, институт общественных наук и массовых коммуникаций, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; преподаватель колледжа высоких технологий, Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова, ул. Костюкова, д. 46, г. Белгород, 308012, Россия; *nany985@mail.ru*

Апатенко Диана Валерьевна, магистрант кафедры философии и теологии,

институт общественных наук и массовых коммуникаций, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; тьютор, МОУ «Майская гимназия Белгородского района Белгородской области», ул. Кирова, 16а, пос. Майский, Белгородский район, Белгородская обл., 308503, Россия; *diana.apatenko@mail.ru*

ABOUT THE AUTHORS:

Igor V. Goncharenko, Postgraduate Student, Department of Philosophy and Theology, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod 308015, Russia; *eigor1@yandex.ru*

Olga V. Korovina, Head of the Museum Department of the Pushkin Library-Museum, Belgorod Centralized Library System, 4 Vatutin Ave., Belgorod 308013, Russia; *olga-helga.1987@yandex.ru*

Kirill V. Mesyats, Master's Degree Student, Department of Philosophy and Theology, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod 308015, Russia; *1252767@bsu.edu.ru*

Irina N. Sergeeva, Master's Degree Student, Department of Philosophy and Theology, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod 308015, Russia; Lecturer at the College of High Technologies, Shukhov Belgorod State Technological University, 46 Kostyukova St., Belgorod 308012, Russia; *nany985@mail.ru*

Diana V. Apatenko, Master's Degree Student, Department of Philosophy and Theology, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod 308015, Russia; Tutor, Mayskaya Grammar School, 16a Kirov St., Maysky Township, Belgorod district, Belgorod region, 308503, Russia; *diana.apatenko@mail.ru*